

На правах рукописи

ЖДАНОВА Екатерина Анатольевна

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ
В РУССКИХ ГОВОРАХ УДМУРТИИ**
(на материале корпуса диалектных текстов)

10.02.01.- Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань-2009

Работа выполнена в лаборатории по автоматизации филологических работ государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Удмуртский государственный университет».

Научный руководитель – доктор филологических наук
профессор Баранов Виктор Аркадьевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Николаев Геннадий Алексеевич

доктор филологических наук
Шаброва Елена Николаевна

Ведущая организация – Институт лингвистических исследований РАН

Защита состоится _____ года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования “Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина” по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского ГОУ ВПО “Казанский государственный университет”.

Автореферат разослан _____ года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

Т. Ю. Виноградова

Актуальность исследования. Изучение семантической деривации во всем многообразии ее проявлений, выявление основных тенденций в образовании слов с помощью этого способа словопроизводства, анализ результатов деривационных процессов, определение роли семантической деривации в формировании лексико-семантической системы является одной из актуальных задач современной русистики. Актуальность обращения к семантическому способу деривации обусловлена тем, что, как отмечают многие исследователи, в последнее время изучение семантики выходит на первый план во всех разделах языкознания, в том числе и в словообразовании.

Среди ученых нет единого понимания сущности семантического словообразования, определение этого понятия обычно связывают с вопросом о разграничении многозначности и омонимии. Семантическую деривацию описывают как образование омонимов в результате распада одного слова на два (В.В. Виноградов, Н.М. Шанский и др.) или как появление новых значений (лексем / лексико-семантических вариантов) одного слова, образование многозначности (Е.В. Падучева, В.Н. Прохорова, Д.Н. Шмелев и др.).

Однако мысль о семантическом словообразовании, то есть о том, что в результате изменения значения слова возникает именно новое слово, звучит уже в трудах А.А. Потебни и Л.В. Щербы.

В нашей работе семантический способ словообразования рассматривается с позиции, обозначенной профессором В.М. Марковым и поддержанной его учениками и коллегами, учеными Казанской историко-лингвистической школы: «Появление нового значения – это появление нового слова, осуществленное в результате единичного словообразовательного акта» [Марков 1981, 15]. Результатом действия семантического словообразования являются омонимы, «то есть равнозвучные производные лексем, которые, в категориальном отношении, подобны лексемам, образованным с помощью морфем» [Марков 1981, 9].

Понятие семантического словообразования охватывает достаточно широкий круг деривационных процессов. В зависимости от словообразовательной базы и характера изменения семантики Э.А. Балалыкина и Г.А. Николаев выделяют несколько разновидностей семантического словообразования: лексико-семантическую, морфолого-синтаксическую, семантическое включение, лексико-синтаксическую [Балалыкина – Николаев 1985, 29-30].

То, что в образовании нового слова при семантической деривации не принимает участия словообразовательный формант, является отличительной чертой этого способа словообразования. Данная особенность и провоцирует многих лингвистов отрицать факт появления новой лексемы в результате семантического сдвига. Однако даже сторонники теории полисемии отмечают явное сходство регулярных моделей многозначности и словообразовательных типов [Ю.Д. Апресян, Т.С. Коготкова, А.П. Чудинов и др.].

Изучению семантического словообразования посвящены работы многих лингвистов. Объектом исследования становятся не только данные современного русского языка (работы Ю.В. Агеевой, Д.И. Арбатского, Е.И. Аюповой, Т.Г. Бочинной, М.Ю. Варламовой, З.П. Даниловой, О.В. Колочковой, А.А. Кретьева, Н.Ф. Кривовой, Э.В. Марковой, Б.И. Осипова и др.), но и исторические факты (работы А.А. Аминовой, Л.С. Андреевой, Э.А. Балалыкиной, О.А. Горбань, И.Э. Еселевич, С.П. Лопушанской, Г.А. Николаева, Т.М. Николаевой, И.М. Некипеловой, Н.М. Сергеевой, Т.Ю. Щуклиной и др.), источником материала для анализа является как литературный язык, в частности – поэтический язык (Н.А. Баяндина, Т.А. Корнеева), так и просторечие (Н.А. Прокуровская, Н.Н. Щербакова), профессиональная терминология (В.П. Даниленко, Э.В. Маркова). Некоторые ученые привлекают для своих исследований и диалектный материал (Э.В. Маркова, Н.А. Гайдамак). Изучению семантической деривации в русских народных говорах посвящена диссертационная работа О.А. Чупряковой [Чупрякова 2007], однако предметом этого исследования стали семантические и словообразовательные процессы лишь в сфере глагольной лексики. Некоторые модели семантической деривации в сфере субстантивов, имеющие место в диалектном языке, отмечены в статье Т.Н. Поповой [Попова, 2008].

Метафорические, метонимические и иные изменения в семантике диалектных слов рассматривались в работах Р.И. Аванесова, Т.С. Коготковой, Ф.П. Сороколетова, Ф.П. Филина, П.И. Павленко, И.А. Попова, Г.Я. Симиной, Н.С. Ганцовской, К.И. Демидовой, Ю.А. Ермолаевой, О.В. Золотухиной, Е.И. Кузнецовой, Т.Е. Лебедевой, Е.А. Нефедовой, Н.М. Никитенко, Т.Е. Никулиной и др. Большинство авторов исследовали и описывали семантические изменения в лексике той или иной группы русских народных говоров или в диалектном языке в целом с точки зрения полисемии. Общим положением данных работ является тезис о распространенности семантической деривации, приводящей, по мнению этих исследователей, к полисемии, в русских народных говорах.

В то же время до сих пор диалектологи, изучающие словообразовательные процессы в народных говорах (Н.И. Андреева-Васина, О.Г. Гецова, Е.Н. Шаброва, М.Н. Янценецкая и др.), сосредоточивают свое внимание в основном на морфемном словопроизводстве. Однако без изучения действия семантического словообразования в народных говорах, без описания его роли в процессе изменения и пополнения словарного состава диалектного языка нельзя говорить о полномасштабном исследовании диалектного словопроизводства.

Актуальность данной работы обусловлена и тем, что народные говоры являются неотъемлемой частью русского национального языка и без осмысления роли семантической деривации в диалектах нельзя составить целостного представления о семантическом словообразовании в русской языковой системе.

Изучение семантической деривации на материале народных говоров имеет свою специфику, обусловленную особенностями бытования говоров, своеобразием диалектного языка и связанными с ним особенностями его лексико-семантической системы. Однако изменения в семантике, ведущие к появлению в словарном составе говора новых элементов, могут быть вызваны и общеязыковыми механизмами, определяющими развитие лексико-семантической системы русского языка в целом.

Стоит отметить, что при изучении диалектного словообразования целесообразно сосредоточиться на собственно диалектных дериватах, исключая общеупотребительные и просторечные семантически производные слова, входящие в диалектный словарь, так как именно собственно диалектные дериваты отражают специфику словообразовательных процессов в говорах, их тождество или отличие от деривационных процессов литературного языка.

Русские говоры Удмуртии, помимо черт, характерных для диалектного языка в целом, имеют некоторые особенности, определяющие их своеобразие.

Русские говоры Удмуртии – это говоры территории позднего заселения. Заселение русскими территории между Камой и Вяткой началось в XII-XIII вв. и активизировалось по мере промышленного освоения и развития региона. Наряду с говорами Урала и Сибири говоры данной территории рассматриваются как вторичные, так как они сформировались на основе разнообразных переселенческих говоров, что обусловило их некоторую неоднородность. До прихода русских поселенцев территорию современной Удмуртской Республики населяли удмурты, коми, марийцы, татары, башкиры и представители других национальностей. Однако русские говоры данной территории не отражают значительного влияния финно-угорских и тюркских языков, на что указывается в работах I. Bátori, В.Н. Мартьяновой, Л.П. Смоляковой, Р.А. Субаевой. В то же время при анализе лексико-семантической системы русских говоров Удмуртии необходимо учитывать возможность иноязычного влияния.

Социально-экономические изменения последнего времени, развитие путей сообщения и распространение средств коммуникации во многом способствуют унификации диалектного языка [Аванесов 1949, Коготкова 1979]. В связи с этим русские говоры Удмуртии в данной работе рассматриваются в совокупности, как лингво-территориальное объединение, обладающее единством характеристик лексико-семантической системы.

Целью работы является выявление особенностей реализации семантической деривации в русском диалектном языке, в частности – в говорах Камско-Вятского междуречья, изучение механизмов семантического словообразования, описание функционирования семантических дериватов в говорах данной территории и выяснение роли семантической деривации в формировании словарного состава диалектов. В связи с этим данное исследование предусматривает решение следующих **задач**:

1) выявление особенностей семантики диалектного слова, особенностей его бытования и функционирования, которые определяют своеобразие реализации семантической деривации в диалектном языке;

2) разработка методов анализа проявления семантической деривации в корпусе диалектных текстов конкретного региона с учетом влияния как языковых, так и внелингвистических факторов, характерных для данной местности;

3) выявление в текстах корпуса, отражающего особенности русских говоров Удмуртии, семантических дериватов, определение производящего слова и словообразовательного значения каждого из них;

4) выявление в русских говорах Удмуртии словообразовательных типов семантической деривации; анализ их продуктивности, определение роли разновидностей семантической деривации для каждой части речи, представленной в русских говорах Удмуртии семантическими дериватами;

5) описание основных закономерностей, определяющих реализацию данного способа словообразования в диалектном языке, и сопоставление действия семантической деривации в говорах с ее реализацией в литературном языке;

6) описание функционирования семантических дериватов в русских говорах Удмуртии;

7) определение места семантической деривации в системе диалектного словообразования, выявление ее значения для формирования лексического фонда русских говоров Удмуртии.

Объектом нашего исследования являются зафиксированные в корпусе диалектных текстов, представляющих русские говоры Удмуртии, имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия и слова других частей речи, образованные семантическим способом во всем многообразии его проявлений. **Предметом** анализа стали процессы семантической деривации в диалектном языке.

Предмет и цели данной работы обусловили необходимость применения следующих **методов исследования**: описательного, структурного, сопоставительного, корпусного, количественного, методов словообразовательного, контекстуального анализа и компонентного анализа.

Материалом для исследования послужил корпус текстов, включающий записи живой диалектной речи, сделанные преподавателями и студентами Удмуртского государственного университета в ходе диалектологических экспедиций, проходивших в период с 1972 по 1989 годы. Данный корпус является репрезентативным для изучения процессов семантического словообразования и функционирования семантических дериватов на территории Удмуртии: транскрибированные записи текстов и фрагментов текстов (385 тетрадей) были сделаны в 160 населенных пунктах 20 районов Удмуртской Республики (из 25 районов, составляющих ее территорию). Для исследования также частично привлекался лексический материал, собранный в 90-е и 2000-е годы путем

обследования по «Программе собирания сведений для ЛАРНГ», а также материалы, собранные автором.

Таким образом, методом сплошной выборки, осуществленной на основе корпуса диалектных текстов и сопутствующих материалов, в русских говорах Удмуртии было обнаружено 458 семантических дериватов, которые и анализируются в данной работе.

В качестве материала для сравнения используются данные различных словарей русских народных говоров. Для сопоставления выводов о действии семантической деривации в говорах с фактами, отражающими ее реализацию в литературном языке, в работе привлекаются данные «Словаря русского языка» (МАС) под редакцией А.П. Евгеньевой. Для уточнения истории семантического развития анализируемых слов, а также для выявления семантической связи слов, объединенных отношениями мотивации, в работе используются данные исторических и этимологических словарей.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. В данной работе впервые представлено полномасштабное изучение реализации семантической деривации в группе русских народных говоров.

2. В данной работе впервые осуществлено исследование говоров всей территории Удмуртии в словообразовательном аспекте на материале корпуса записей живой диалектной речи.

3. В представленном исследовании при описании действия лексико-семантической разновидности семантической деривации наряду с такими известными ее проявлениями, как метафора и метонимия, впервые рассматривается деривация путем изменения семантического объема производящего слова: расширения или сужения его значения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Семантическая деривация является продуктивным способом диалектного словообразования.

2. Наиболее продуктивной в говорах является лексико-семантическая разновидность семантической деривации, основанная на метафоре и метонимии.

3. Наряду с метафорой и метонимией в основе появления многих диалектных семантических дериватов лежит изменение семантического объема производящего слова (расширение или сужение значения слова).

4. Семантическая деривация в диалектном языке имеет системный характер, что проявляется, в частности, в существовании в русских говорах Удмуртии многочисленных словообразовательных типов семантической деривации, в том числе собственно диалектных.

5. Семантическое словообразование в русских народных говорах имеет идентичную языковую основу с семантической деривацией литературного языка, представляя общезыковой процесс.

Теоретическая и практическая значимость работы. Полученные в результате проведенного исследования данные о продуктивности вариантов семантической деривации в диалектном языке являются важным дополнением к существующей картине диалектного словообразования. Учет результатов нашей работы при рассмотрении диалектной деривации и номинации позволит преодолеть существующий в диалектологии перекос в сторону морфемного словообразования.

Данные, полученные в результате исследования, могут быть использованы при составлении словаря русских говоров Удмуртии, а также диалектных словарей сопредельных регионов, в преподавании курсов диалектологии, словообразования, лексикологии, истории русского языка. Методика, разработанная и примененная в данном исследовании, может быть использована при изучении семантического словообразования в говорах других регионов. Наблюдения, сделанные автором в процессе исследования лексико-семантической системы русских говоров Удмуртии, могут помочь в работе учителей сельских школ данного региона.

Апробация работы проводилась на следующих научных конференциях: 1. VII научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г. Ижевска. УдГУ, Ижевск, май 2005 г. 2. Всероссийская научно-практическая конференция «Русские народные говоры: история и современность», посвященная 50-летию диалектологической работы в Арзамасском государственном педагогическом институте. Арзамас, АГПИ, 6-8 октября 2005 г. 3. Всероссийская научная конференция «Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней». Иваново, ИвГУ, 9-10 ноября 2005 г. 4. XXII Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2006», Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 31 января – 2 февраля 2006 г. 5. Международная научная конференция «III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания». Казань, КГУ, 23-25 мая 2006 г. 6. Международная научно-практическая конференция «Проблемы современной филологии в вузовском образовании». Ижевск, УдГУ, 13-14 сентября 2006 г. 7. Межвузовские диалектологические чтения «Исследование региональной лексики в историко-культурологическом аспекте». Арзамас, АГПИ, 23-25 ноября 2006 г. 8. Международная научная конференция «Языковая семантика и образ мира». Казань, КГУ, 20-22 мая 2008 г.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав основной части, заключения, списка литературы, списка словарей, списка источников и списка сокращений. Объем основного текста составляет 183 страницы, общий объем диссертации – 207 страниц машинописного текста.

Работа выполнена в рамках научного проекта «Лингвотекстологические и корпусные исследования грамматической семантики древнерусского текста»,

2.1.3./2987 (аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» Федерального агентства по образованию РФ).

Содержание диссертации.

Во введении обоснована актуальность избранной темы, определяются цели и задачи исследования, дается характеристика предмета и источников исследования, сообщается об основных методах исследования, подчеркивается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава “Метафора как основа семантической деривации в ее лексико-семантической разновидности в русских говорах Удмуртии” посвящена анализу зафиксированных в русских говорах Удмуртии случаев лексико-семантического словообразования, в основе которых лежит ассоциация по сходству предметов, явлений, действий или признаков, обозначаемых производящим и производным словами.

Термин «метафора» традиционно определяется как «употребление слова в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений» [Розенталь 1976, 176] и считается одним из основных способов образования переносного значения слова. Но если принять во внимание тот факт, что в результате метафорического употребления возникают такие обозначения предметов и явлений, которые осознаются как самостоятельные образования, почти не соотносимые с первоначальным употреблением, то стоит говорить о появлении в результате метафоризации нового слова, а не просто иного оттенка значения. Таким образом, метафора переходит в разряд словообразовательных категорий, становясь основой для одной из разновидностей лексико-семантического варианта семантического способа словообразования.

Лексико-семантическая разновидность семантической деривации представляет собой «образование слов на основе развития семантики одного слова» [Балалыкина – Николаев 1985, 29]. Возникновение нового образования в результате развития семантики, основанного на ассоциации по сходству денотатов, то есть метафоризация, является одним из наиболее продуктивных проявлений данной разновидности семантического словообразования.

Активность метафорических процессов в русских народных говорах обусловлена традиционностью, древностью данного типа семантических отношений, связанных с процессом познания окружающего мира, а также тем, что метафора выполняет в русских народных говорах не только собственно номинативную [Демидова 2006], но и экспрессивную функцию [Коготкова 1979].

Некоторые ученые указывают на асистемность метафорической деривации [Апресян 1974], однако исследования других подтверждают типичность отдельных групп метафорических образований [Маркова 1984, 1990, 1996, Лазарева 1986, Чудинов 1988, Бочина 1997, Николаева 2003, Некипелова 2005, Самаркина 2006 и др.]. Выявление типов семантической деривации в диалектном языке

подтверждает тезис об изоморфизме семантического и морфемного словопроизводства.

В сфере имени существительного выделяется 7 словообразовательных типов, основанных на ассоциации по сходству денотатов производящего и производного. Это как общезыковые типы, представленные аналогичными дериватами в литературном и в диалектном языках, например, *Животное* → *предмет* (*свинка 1* 'деревянный каркас, служивший формой при сооружении глинобитной печи', *кобылка* 'козлы для пилки дров', *боров* 'лежащая дымовая труба' и др.), так и собственно диалектные словообразовательные типы, например *Лицо* → *животное* (*бабуха* 'наседка', *дочка 2* 'свинья', *казак 1* 'хряк, поросенок' и др.). Отметим, что диалектные семантические дериваты, представляющие тип *Животное* → *предмет*, отличаются от производящих имен неодушевленностью. В русских говорах Удмуртии зафиксированы также многочисленные нетипизированные семантические дериваты (*баклушка* 'мотоцикл', *осколок* 'небольшой лесок', *гнилушки* 'старый деревянный дом' (в отличие от производящего *гнилушка* 'что-либо гнилое', дериват является существительным *pluralia tantum*) и др.).

В русских говорах Удмуртии выделено 10 глагольных словообразовательных типов семантической деривации, основанной на ассоциации по сходству действий, обозначаемых мотивирующим и мотивированным словами. К их числу относятся не только типы, отмеченные в словообразовательной системе литературного языка, например, *Конкретное физическое каузативное действие* → *каузация социального состояния* (*высадить* 'выгнать, заставить уйти', *вытягать* 'с трудом растить, воспитывать (детей)', *здымать* 'начинать, затевать' и др.), но и собственно диалектные словообразовательные типы, например, *Нанесение удара* → *трудовая деятельность* (*стукать* 'работать', *поторкать* 'проработать некоторое время', *отдубасить* 'отработать где-либо долгое время' и др.). В русских говорах Удмуртии зафиксированы метафорические глагольные дериваты, не составляющие словообразовательных типов, обозначающие действие или состояние субъектов определенного класса, подобное действию или состоянию, характерному для субъектов иного класса (*дождить* 'протекать, пропускать воду', *залудить* 'покрыться коркой после дождя (о земле)', *засечь* 'забыться' (в отличие от производящего *засечь* 'убить, зарубить', данный глагол является безличным), *оцениться* 'оказаться в большом количестве' и др.).

Немногочисленные имена прилагательные, образованные в русских говорах Удмуртии семантическим способом на основе метафоры, представляют словообразовательный тип *Признак* → *признак, подобный тому, который назван производящим словом* (*комольй* 'о лаптях: с прямым, не выдающимся вперед носком', *модный* 'особенный', *пресной* 'молодой, неокрепший (о лесе)' и др.). Данный тип является распространенным и в литературном языке [Апресян 1974, Балалыкина – Николаев 1985, Петрова 1984].

В русских говорах Удмуртии зафиксированы также наречия, имеющие метафорическое значение: *дивно* 'много', *слабо* 'свободно, широко', *слепо* 'много'. Однако относительно данных наречий целесообразно говорить о двойственной мотивированности: с одной стороны, однокоренным прилагательным, с другой – омонимичным общеупотребительным наречием.

Семантическим способом в его лексико-семантической разновидности на основе сходства денотатов производящего и производного в русских говорах Удмуртии образуется также слово категории состояния: *одинок* 'пусто, никого нет'.

Таким образом, проведенный в первой главе анализ показывает, что лексико-семантическая разновидность семантического способа словообразования, основанная на метафоре, является продуктивной в русских говорах Удмуртии и в диалектном языке в целом, о чем свидетельствуют многочисленные словообразовательные типы, широко представленные в русских говорах Удмуртии, а также аналогичные семантические дериваты, зафиксированные в словарях диалектного языка.

Во второй главе **“Метонимия как основа семантической деривации в ее лексико-семантической разновидности в русских говорах Удмуртии”** рассматриваются зафиксированные в русских говорах Удмуртии случаи лексико-семантического словообразования, в основе которых лежит ассоциация по смежности предметов, явлений, действий или признаков, обозначаемых производящим и производным словами.

Термином «метонимия» обычно обозначается «употребление названия одного предмета вместо названия другого предмета на основе внешней или внутренней связи между ними» [Розенталь 1976, 177]. Но если учитывать, что «смена денотата есть момент появления нового слова, то есть словообразование» [Балалыкина – Николаев 1985, 35], то метонимию можно определить как проявление лексико-семантической разновидности семантической деривации, основанное на смежности денотатов производящего и производного слов.

Большинство исследователей отмечают, что, в отличие от метафорической деривации, метонимия характеризуется не только разнообразием, но и регулярностью моделей [Апресян 1974; Кронгауз 2001; Шмелев 1964 и др.]. Привычность метонимических образований для русского языка обусловлена тем, что данный тип деривации отражает связи, существующие в сознании людей, а также во многих случаях связан «с сокращением словосочетаний» [Шмелев 1964, 65], то есть детерминирован самим строем языка.

Этими факторами вызвана и распространенность метонимической деривации в диалектном языке. Продуктивность метонимии на всех этапах развития диалектного языка обусловлена также тем, что ее результаты «направлены на обозначение актуальной экстралингвистической реалии» [Коготкова 1979, 169].

В русских говорах Удмуртии выделяется 12 словообразовательных типов семантической деривации имен существительных. Наиболее продуктивным среди общезыковых типов является тип *Предмет* → *совокупность того, что названо производящим словом*. В отличие от производящих конкретных имен, семантические дериваты, представляющие данный тип, являются собирательными существительными. Нами зафиксировано 66 диалектных собирательных семантически производных зоонимов, фитонимов, миконимов и наименований других предметов и явлений. Многочисленные примеры употребления дериватов, представляющих данный словообразовательный тип, позволяют делать выводы относительно их функционирования в диалектном языке:

1) среди собирательных зоонимов преобладают названия насекомых, рыб, диких зверей и птиц, точное количество которых не известно и не важно для говорящего, но нет ни одного собирательного наименования какого-либо домашнего животного или птицы; это объясняется тем, что в семантике собирательных существительных, зафиксированных в говорах, актуализируется признак неопределенности множества, неисчислимости;

2) в качестве производящих выступают наименования реалий, привычных для носителей говора, давно известных им, распространенных в регионе их проживания; для обозначения некоторого количества однородных предметов, встречающихся реже, имеющих меньшее значение для жизнедеятельности диалектоносителей, в том же контексте используются формы множественного числа (*Рыба разная: судак, лещ, жерех, окунь, сорога, голавль, щука, редкостный случай сомов* [Карак. р-н, с. Каракулино, 1986 г.]) – село Каракулино расположено на берегу Камы, рыболовство является здесь давно и широко распространенным промыслом, поэтому, говоря о рыбе, местные жители чаще употребляют собирательные наименования;

3) в русских говорах Удмуртии происходит семантическое и функциональное сближение собирательных дериватов с формами множественного числа производящих конкретных существительных; это объясняется тем, что, как пишет И.Э. Еселевич, «одно из направлений эволюции категории собирательности находит выражение в постепенном ослаблении признака совокупности в семантической структуре слова» [Еселевич 1979, 27].

В русских говорах Удмуртии выделяются и собственно диалектные словообразовательные типы метонимической деривации существительных, например, *Явление* → *источник, средство, обеспечивающее его появление* (*огонь I 'уголь', свет 'электричество' и др.*) и *Источник* → *явление, обусловленное тем, что названо производящим словом* (*атом 'атомная бомба', ток 'общее название электрооборудования' и др.*). Для метонимической деривации имен существительных в русских говорах Удмуртии вообще характерно наличие парных словообразовательных типов, характеризующихся взаимнообратным развитием семантики, что можно объяснить типичными отношениями денотатов.

Помимо 12 метонимических словообразовательных типов, являющихся продуктивными в русских говорах Удмуртии, здесь отмечены единичные дериваты, представляющие общезыковые словообразовательные типы, нехарактерные для диалектного словопроизводства, например, *Растение* → *материал* (*илем* ‘материал для колес, топорища и др.’ (< *илем* ‘дерево, похожее на вяз’)).

В разделе, посвященном анализу семантической деривации, в основе которой лежит метонимия, в сфере глагольной лексики, описаны 8 словообразовательных типов, представленных в русских говорах Удмуртии. Наряду с общезыковыми типами, например, *Действие* → *каузация действия* (*запреть* ‘запарить’, *точить* ‘наливать, оттыкая гвоздь в бочке’, *упреть* ‘запарить, сварить’), здесь отмечены и собственно диалектные словообразовательные типы, например, *Действие* → *действие смежного субъекта* (*покрыть* ‘провести оплодотворение самок домашних животных’, *служить* ‘являться местом проведения церковной службы (о церкви)’). Отметим, что глаголы, относящиеся к типу *Действие* → *каузация действия*, в отличие от производящих, являются переходными.

Метонимические дериваты – прилагательные, отмеченные в русских говорах Удмуртии, относятся к двум общезыковым словообразовательным типам: *Имеющий определенное свойство* → *каузирующий данное свойство* (*немтой* ‘глухой, плохо слышащий’, *обизорный* ‘неряшливый’ (< *обизорный* ‘постыдный, позорный, бесчестный’)) и *Признак предмета* → *признак смежного предмета* (*дыроватый* ‘одетый в рваную, дырявую одежду’, *искусственный I* ‘находящийся на искусственном вскармливании’, *косой* ‘о лаптях: со скошенным носком’ и др.).

В русских говорах Удмуртии зафиксировано несколько наречий, образованных семантическим способом в его лексико-семантической разновидности на основании ассоциации по смежности (*глубоко* ‘громко’, *далёко* ‘гораздо, значительно, еще более’, *тёмно* ‘ночью’ и др.).

Как показал проведенный во второй главе анализ семантической деривации, основанной на метонимии, в русских говорах Удмуртии данный вид семантического словообразования является продуктивным, типизированным в большей степени, нежели метафоризация. Стоит отметить, что круг ассоциаций по смежности, порождающих семантическую деривацию, в говорах является несколько иным по сравнению с литературным языком, что выражается, с одной стороны, в отсутствии или малой продуктивности типов, распространенных в литературном языке, а с другой стороны, в наличии типов, нехарактерных для литературного языка. Семантические дериваты, образованные в русских говорах Удмуртии на основе ассоциации по смежности, в большинстве случаев не отличаются от производящих слов какой-либо специфической стилистической окрашенностью или образностью. Данные наименования появляются и функционируют в повседневной речи диалектоносителей, обозначая предметы быта, будничные явления, обыденные действия и производственные процессы. Эта

тенденция подтверждает вывод о том, что метонимия как проявление семантической деривации – распространенное и естественное явление языка, закономерно проявляющееся в речи носителей говоров.

В третьей главе *“Изменение семантического объема производящего слова как основа семантической деривации в ее лексико-семантической разновидности в русских говорах Удмуртии”* рассматриваются диалектные семантические дериваты, появление которых обусловлено расширением или сужением значения производящего слова.

Существует точка зрения, что изменение семантики слов в большинстве случаев сводится к метафоре и метонимии [Кронгауз, Падучева, Прохорова, Чудинов]. Однако многие исследователи выделяют в качестве самостоятельных способов семантических изменений также сужение и расширение значения слова. В результате данных семантических процессов появляются новые слова, омонимичные производящим [Балалыкина 1997; Бутакова 2003; Щербакова 2006].

Обычно расширение и сужение семантики слов рассматриваются в диахроническом плане как средства формирования слов литературного языка в современных значениях, однако диалектный язык дает примеры образования новых слов путем увеличения или уменьшения семантического объема производящего слова на современном этапе развития народных говоров.

Под термином расширение значения обычно понимают «увеличение семантического объема слова в процессе исторического развития» [Розенталь 1976, 361]. При этом основанием для подобных семантических изменений считают функциональное сходство предметов, называемых производящим и производным словом [там же], или метонимию [Прохорова 1980, 71].

Однако в русских говорах Удмуртии помимо слов с предметным значением, к которым действительно можно было бы применить данную мотивировку, зафиксированы также семантические дериваты со значением действия (глаголы), признака (прилагательные и наречия), что указывает на неоднозначность причин увеличения семантического объема слова и свидетельствует о своеобразии процесса расширения значения. «Происходит этот процесс на базе сложного семантического переосмысления и приводит к тому, что слово, обозначающее первоначально один из видов данного рода, начинает обозначать признак всех предметов этого рода. Определение предмета становится более отвлеченным, менее конкретным и детализированным. То же самое касается признака или действия» [Балалыкина 1993, 64-65].

Распространенность в русских говорах слов с более широким значением, чем у их литературных производящих, отмеченная исследователями [Аванесов, Павленко], отчасти объясняется диффузностью семантики, присущей диалектной лексико-семантической системе в большей степени, нежели системе литературного языка. Употребления того или иного слова в различных диалектных контекстах не формируют омонимов, а образуют слово с широким диффузным

значением, имеющее обширную сочетаемость и реализующее ту или иную сему в разных употреблениях в зависимости от контекста.

Помимо этого, как отмечает Э.А. Балалыкина, «процессу расширения семантики слова способствует иногда переход слова из одной сферы употребления в другую» [Балалыкина 1993, 56], соответственно увеличение семантического объема слова при заимствовании его говорами из литературного языка является закономерным.

Под сужением значения понимают «уменьшение семантического объема понятия в процессе исторического развития или в контексте речевого употребления» [Розенталь 1976, 475]. «При этом процессе слово становится представителем признака, более специфического, чем ранее, и начинает называть меньший круг предметов, часто отражая в названии лишь одну сторону какого-то признака» [Балалыкина 1993, 65]. Данное явление обычно связывают с метонимией (синекдохой) [Прохорова 1980, 71].

Деривационные изменения, связанные с уменьшением семантического объема слова, в русских народных говорах обусловлены тенденцией к конкретизации, присущей диалектному языку. То, что, как отмечают многие исследователи, диалектное обозначение зачастую имеет более узкое и конкретное значение, чем омонимичное общеупотребительное наименование, во многих случаях является результатом такой разновидности лексико-семантической деривации, как сужение семантики слова.

В отличие от метонимических словообразовательных типов **часть** → **целое** и **целое** → **часть**, отражающих отношения между предметом и его составляющим элементом, расширение и сужение значения касаются менее дискретных объектов и обозначение «часть» к входящим в них понятиям неприменимо. Если метонимия предполагает «вещную», «предметную» связь и соположенность денотатов, то изменение семантического объема производящего слова приводит к образованию гиперонима (в случае расширения) или гипонима (при сужении), то есть отражает гиперонимические отношения.

Проявления расширения и сужения семантики диалектного слова менее систематизированы, чем метафорические и метонимические, однако они широко представлены в русских говорах Удмуртии и охватывают сферу имен существительных, прилагательных, глаголов и наречий.

В русских говорах Удмуртии зафиксировано 10 имен существительных, образованных путем расширения значения производящего слова, и 21 существительное, возникшее в результате сужения семантики производящего имени.

Например, от диалектного наименования *волок* 'лесная гужевая дорога' [СРНГ вып. 5, 49] в результате расширения семантики образуется обозначение *волок* 2 'любая дорога' (На Якиур-Бодьинском *волоку* авария была [Селт. р-н, с. Валамаз, 1988 г.]).

Результатами сужения значения производящего слова являются омонимы *гад 1* '(обычно собир.) слепни, оводы, мухи' (*Гад донимает, ровно как шилом тычет* [Кизн. р-н, с. Гыбдан, 1989 г.]) и *гад 2* '(собир.) мыши' (*Счас без кошек гад осилит, мышь это* [Кез. р-н, д. Зинковка, 1978 г.]). Аналогичным способом образовано и существующее в современном русском литературном языке обозначение *гад* 'земноводное или пресмыкающееся животное' [МАС I, 295], а также зафиксированная в СРНГ номинация *гад* '(обычно собир.) черви, поедающие кедровые орехи' [СРНГ, вып. 6, 90]. Единым мотивирующим для всех этих семантических дериватов является слово *гадь* 'нечистое мерзкое животное (обычно – ползающее насекомое, пресмыкающееся, а также коротконогое животное, например мышь) [СРЯ 11-17, вып. 1, 5]'. Данное наименование восходит к «праслав. *gady 'отвратительное животное'» [Фасмер I, 381]. Наличие единого производящего слова с широким значением подтверждается и словами болгарского языка *гад* 'хищный зверь', *гад* 'вошь' [Черных I, 175]. К появлению современных омонимичных образований в разных языковых системах привело сужение семантического объема производящего слова за счет актуализации определенных сем и нейтрализации других элементов значения. Современное русское литературное образование появилось в результате конкретизации производящего на основе, по-видимому, библейской традиции. Диалектные наименования обозначают различных животных (актуализированных для разных групп диалектоносителей), которые доставляют неприятности, вредны в хозяйстве. В связи с тем, что семантические дериваты являются обозначениями не просто отдельных животных, а явлений, оказывающих негативное влияние на жизнь людей, данные производные приобретают грамматическое значение собирательного имени, что выражается соответствующими формальными отличиями от производящего слова: семантические дериваты являются существительными *singularia tantum*.

Преобладание в сфере имени существительного деривационных процессов, основанных на сужении значения производящего, обусловлено присущей диалектному языку тенденцией к конкретизации семантики и связано с внелингвистическими условиями: носители того или иного говора обычно имеют дело лишь с определенным предметом или явлением из класса, называемого производящим словом, в других случаях лишь один объект из ряда является значимым для диалектоносителя, при этом название, применяющееся для всего класса объектов (родовое обозначение) в говоре используется лишь для наименования данного, наиболее актуального для говорящих, объекта, следовательно, в данном говоре значение гиперонима сужается до наименования видового обозначения конкретного объекта из ряда, называемого производящим (гипонима).

Расширение и сужение значения производящего слова, приводящие к появлению семантических дериватов, представлены в сфере глагольной лексики русских говоров Удмуртии в равной степени (по 6 дериватов).

Например, от собственно диалектного глагола *проворить* ‘справляться с работой, хорошо, успешно вести хозяйство’ [СРНГ вып. 32, 102] в русских говорах Удмуртии путем расширения значения в результате утраты сем, указывающих на конкретное действие, образуется семантический дериват *проворить* ‘мочь, быть в состоянии, в силах что-либо делать’ (*Силы нету, ходить не проворишь* [Завьял. р-н, д. Дуброво, 1978 г.]) – семантический дериват, в отличие от производящего слова, является модальным глаголом и обычно выполняет в предложении функцию вспомогательной части составного глагольного сказуемого.

От общеупотребительного глагола *добыть* ‘достать, разыскать, получить’ в русских говорах Удмуртии образуется семантический дериват с более узким и конкретным значением *добыть* ‘достать, вынуть откуда-либо что-либо’ (*Горохом объелася, тожсо операцию делали, добыли у неё горох* [Кез. р-н, с. Кулига, 1977 г.]).

В сфере диалектных имен прилагательных тенденция к сужению семантики явно преобладает над обратной тенденцией – к увеличению семантического объема слова. Путем расширения значения производящего в русских говорах Удмуртии появилось лишь одно прилагательное: *баской* ‘хороший, имеющий какие-либо положительные качества’ (*Черёмуха застыла: погода-то не баска* [Карак. р-н, с. Кулюшево, 1986 г.]). Это слово образовано от прилагательного *баской* ‘красивый, хороший’ [СРНГ вып. 2, 132] в результате нивелировки семы «внешний вид».

Путем сужения семантики производящего слова в русских говорах Удмуртии образовано 7 прилагательных. Например, от общеупотребительного слова *хороший* ‘обладающий положительными качествами, свойствами’ путем сужения семантики за счет включения семы «физическое состояние» образуется диалектное прилагательное *хороший 2* ‘здоровый, полноценный’ (*Он сам-то хороший был, а жена-то плохая: заболела уж больно сильно она* [Шарк. р-н, с. Шаркан, 2001 г.]).

В русских говорах Удмуртии отмечены два наречия, образованных в результате расширения семантического объема производящего слова: *Людно* ‘много (о людях)’ [СРНГ вып. 17, 243] > *людно* ‘много (о любых одушевленных и неодушевленных объектах)’ и *семейно* ‘всей семьей, в кругу своей семьи’ [Даль IV, 173] > *семейно* ‘много’ (*Уток у них семейно* [Красногор. р-н, д. Курья, 1982 г.]) – семантические дериваты отличаются от производящих более широкой сочетаемостью.

Представленный в третьей главе анализ показывает, что в русских говорах Удмуртии деривационные процессы сужения значения в целом преобладают над обратными, что объясняется ведущей ролью тенденции к конкретизации в диалектном языке. О системности семантической деривации, обусловленной изменением семантического объема слова, свидетельствует параллельное развитие

семантики тематически однородных производящих (что приводит к образованию синонимов), а также появление семантических дериватов в диалектном и литературном языках в результате сужения значения одного и того же производящего.

В четвертой главе *“Семантическая деривация в ее морфолого-синтаксической, лексико-синтаксической разновидности и в виде семантического включения в русских говорах Удмуртии”* представлен анализ случаев семантической деривации, не относящихся к ее лексико-семантической разновидности. Данные разновидности семантического словообразования объединены в одной главе по причине незначительного количества дериватов, представляющих их в русских говорах Удмуртии. Однако без анализа этих явлений описание действия семантической деривации в диалектном языке было бы неполным. Необходимо отметить также, что данные разновидности семантического словообразования приводят к появлению не только имен существительных, прилагательных, глаголов и наречий, как лексико-семантическая, но и частиц и модальных слов, что позволяет сделать общий вывод о более широком применении семантического словообразования в диалектном языке.

В русских говорах Удмуртии, помимо проявлений семантической деривации в ее лексико-семантической разновидности, описанных в предыдущих главах нашей работы, отмечены также следующие случаи семантического словообразования:

а) появление новых слов в результате лексикализации грамматической формы производящего слова – такая разновидность деривации традиционно называется морфолого-синтаксическим способом словообразования [Виноградов 1975, 207; Земская 1973, 169] или семантико-морфологическим вариантом семантического способа словопроизводства [Шанский 1977, 15];

б) образование нового слова от устойчивого словосочетания в результате эллипсиса грамматически зависимого или опорного слова – первый вариант обычно рассматривают как проявление лексико-семантического способа словообразования (опорное слово, не меняя своих грамматических характеристик, вбирает в себя значение всего производящего словосочетания) [Шанский 2005, 261], второй вариант считается реализацией морфолого-синтаксического способа, так как зависимое слово, помимо семантической трансформации, переживает грамматические изменения, переходя в часть речи опорного слова [Шанский 2005, 262-266];

в) возникновение новой лексемы путем соединения двух или более слов в одно – этот путь обычно называют лексико-синтаксическим способом деривации [Виноградов 1975, 156; Земская 1973, 169; Шанский 2005, 267] или агглютинацией [Кузнецова 1979, 62].

Относя данные деривационные явления к тому или иному способу словообразования, некоторые ученые отмечают, что в подобных случаях

изменение семантики производящего предшествует изменениям структуры или грамматических характеристик слова. На этом основании казанские дериватологи включают все вышеприведенные варианты деривации в состав семантического способа, выделяя в нем, в зависимости от словообразовательной базы и характера изменения семантики, помимо лексико-семантической, следующие разновидности:

- морфолого-синтаксическую (производное слово является результатом лексикализации грамматической формы производящего),
- семантическое включение (дериват возникает в результате лексикализации словосочетания путем опущения одного из компонентов),
- лексико-синтаксическую (новое слово образуется путем сращения компонентов словосочетания) [Балалыкина – Николаев 1985, 29-30].

В отличие от производных лексико-семантической разновидности семантической деривации слова, представляющие данные виды семантического словообразования, хотя и не являются фонетически новыми, однако имеют явные формальные отличия от производящих: фонетические, грамматические, структурные, что является наглядным показателем того, что результатом семантической деривации становится новое слово, а не другое значение или лексико-семантический вариант.

Распространенным проявлением семантической деривации в ее морфолого-синтаксической разновидности в русских говорах Удмуртии является образование наречий путем лексикализации одной из форм производящего существительного (*руками* 'вручную, без применения механизации', *убегом* 'самовольно, без согласия родителей (выйти замуж)', *самоуком* 'самоучкой' и др.).

Семантическим способом в его морфолого-синтаксической разновидности в русских говорах Удмуртии образован также ряд существительных местоименного склонения, например, *полевая* 'полевые работы'. Данное наименование возникло в диалектном языке по аналогии с общеупотребительными субстантивами *посевная* и *уборочная*, появившимися в результате лексикализации словосочетаний путем опущения опорного слова *страда*.

Семантическим способом в его морфолого-синтаксической разновидности в диалектном языке образуются также другие части речи: от усеченной формы 3-го лица ед. ч. глагола *баять* 'говорить' в говорах образуется частица *бат* (= *говорит, говорят, мол*); от наречия *ровно* образуется модальное слово *ровно* 'кажется, по-видимому, вероятно', выступающее, в отличие от производящего, в функции вводного слова.

Семантическое включение в русских говорах Удмуртии, как и в литературном языке, осуществляется двумя путями: опущения зависимого или главного слов.

Семантическое включение, осуществляющееся путем эллипсиса зависимого слова, в русских говорах Удмуртии наиболее распространено в сфере глагольной лексики. Так, отмеченное Н.М. Шанским образование глагола *болтать* 'говорить'

от фразеологизма *болтать языком* [Шанский 2005, 261] представляет собой один из дериватов словообразовательного типа, распространенного и в русских говорах Удмуртии (*бумкать* ‘много говорить’, *хлопать* ‘говорить неправду’, *илёпать* ‘болтать, пустословить’).

Основным проявлением лексикализации словосочетания путем опущения опорного слова как в литературном языке, так и в диалектном является субстантивация. Например, в результате лексикализации диалектного обозначения *боровые ягоды* ‘брусника’ появляется субстантиват *боровые*, заключающий в себе семантику всего производящего словосочетания.

Лексико-синтаксическая разновидность семантической деривации является, скорее, чертой книжного языка и несвойственна народно-разговорной речи, поэтому в русских говорах Удмуртии он представлен лишь 6 наречиями, образованными в результате лексикализации (путем сращения в одно слово) словосочетаний, состоящих из двух или трех компонентов. Например, от диалектного фразеологизма *сысстари веков* ‘спокон веку, искони’ [СРНГ вып. 4, 100] было образовано наречие *сыстарьвек* ‘спокон веку, искони’. Для существительных мужского рода в форме род. п. мн. ч. нулевое окончание было исконным, чем обусловлено оформление семантического деривата, отличающееся от форм фразеологизма, зафиксированного в СРНГ. Акцентологическое переоформление привело к редукции гласного *и* в наречии *сысстари*.

Как показал проведенный в четвертой главе анализ, семантическая деривация в русских говорах Удмуртии представлена не только лексико-семантической, но и другими разновидностями, хотя проявления последних не столь многочисленны и разнообразны, как в литературном языке. Так, в говорах не отмечено случаев адъективации причастий, адвербиализации деепричастий, не зафиксированы причастия в качестве компонентов производящих словосочетаний при семантическом включении, а лексико-синтаксическая разновидность сосредоточена лишь в сфере наречий.

В **заключении** диссертации представлены основные выводы исследования. По итогам проведенного анализа была составлена таблица, в которой представлены количественные данные, выявляющие продуктивность разновидностей семантической деривации для той или иной части речи в русских говорах Удмуртии.

Подсчет и выявление соотношений семантических дериватов позволяет говорить о том, что наиболее продуктивным семантический способ словообразования является в сфере имени существительного и глагола. Немногочисленными образованиями представлены прилагательные и наречия. Другие части речи представлены единичными дериватами, что, однако, показывает широкие возможности семантического словообразования.

Разновидность деривации Часть речи	Лексико-семантическая				Морфолого-синтаксическая	Семантическое включение путем эллипсиса		Лексико-синтаксическая	всего
	мета-фора	метонимия	изменение объема значения расшир./сужение			завис. слова	главн. слова		
имя существительное	18,3%	30,4%	2,2%	4,6%	2%	0,2%	2,2%	-	59,9%
глагол	15,3%	7,4%	1,3%	1,3%	-	1,3%	-	-	26,6%
имя прилагательное	2,6%	1,8%	0,2%	1,5%	-	-	-	-	6,1%
наречие	0,7%	1,8%	0,4%	-	2,6%	-	-	1,3%	6,8%
категория состояния	0,2%	-	-	-	-	-	-	-	0,2%
частица	-	-	-	-	0,2%	-	-	-	0,2%
модальное слово	-	-	-	-	0,2%	-	-	-	0,2%
Итого	37,1%	41,4%	4,1%	7,4%	5%	1,5%	2,2%	1,3%	

Среди разновидностей семантической деривации наиболее продуктивной оказывается лексико-семантическая, представленная в основном метафорой и метонимией. Данная разновидность деривации характерна для разных частей речи; дериваты, представляющие морфолого-синтаксическую разновидность семантической деривации, не столь многочисленны, но так же разнообразны, в то время как другие разновидности семантического словообразования сосредоточены в основном в сфере какой-либо одной части речи.

Семантические дериваты, появление которых связано с изменением объема значения производящего, в русских говорах Удмуртии не столь многочисленны, как метафорические и метонимические производные. Однако следует признать, что расширение и сужение значения производящего слова являются важными факторами семантической деривации и должны рассматриваться наряду с метафорой и метонимией как изменения семантики, которые играют большую роль в деривационных процессах и диалектного, и литературного языков. Этот тезис, обоснованный в данной работе, является дополнительным доводом, подтверждающим, что семантический способ словообразования не ограничен действием в диахроническом плане языка, а имеет обширную реализацию в синхронической деривации.

О системности семантических изменений, приводящих к появлению в говорах новых слов, свидетельствует значительное количество словообразовательных типов, выявленных в процессе анализа семантических дериватов в русских говорах Удмуртии. Многие из отмеченных в говорах словообразовательных типов являются общенародными и отражают устойчивые семантические отношения, сформировавшиеся в языке. Однако некоторые типы семантической деривации, отмеченные в русских говорах Удмуртии, являются собственно диалектными, в них реализуются особые семантические связи, отражающие специфику диалектного языка.

Семантическими и функциональными особенностями диалектного слова, влияющими на характеристики диалектной деривации, являются функционирование исключительно в устной форме, открытость диалектной системы и проникновение в нее чужеродных элементов, а также взаимно противоположные тенденции к диффузности семантики и к ее конкретизации.

На формирование деривационной системы русских говоров Удмуртии оказали влияние особенности мировоззрения диалектоносителей, обусловленные их образованием, религиозными взглядами, существующими традициями и жизненным опытом, а также географический, экономический, этнический и другие внелингвистические факторы.

Таким образом, в целом наша работа подтверждает неоднократно звучавшую в литературе мысль о том, что словообразовательная система народных говоров принципиально не отличается от деривационной системы литературного языка. Но наличие собственно диалектных типов семантической деривации говорит о более широких возможностях данного способа словообразования, нежели те, что реализованы в литературном языке.

Проведенный в данном диссертационном исследовании анализ позволяет сделать вывод о продуктивности семантической деривации в диалектном языке и значительном влиянии ее на формирование словарного состава русских народных говоров в целом и русских говоров Удмуртии в частности. Помимо непосредственно новых семантически производных неологизмов, образованных как от общезыковых, так и от собственно диалектных слов, семантическое словообразование приводит к появлению в диалектном языке слов, образованных от них семантическим или морфемным способом по существующим типам. Таким образом, семантическая деривация обогащает диалектный язык не только новыми лексемами, но и новыми словообразовательными отношениями.

В качестве признаков семантического деривата, отличающих его от производящего слова или словосочетания, в русских говорах Удмуртии, как и в литературном языке, выступают нередко отмечаемые фонетические, акцентологические, грамматические изменения, а также изменения лексической сочетаемости, синтаксических функций и стилистической окраски производных слов.

В русских говорах Удмуртии отмечены случаи параллелизма семантической и морфемной деривации, которые подтверждают тезис об изоморфизме двух основных способов словообразования в русском языке и их равноправии.

Влияние семантической деривации на лексико-семантическую систему русских говоров Удмуртии заключается также в том, что возникшие в результате семантического словообразования лексические единицы вступают в иные синонимические и антонимические пары, нежели их производящие, что ведет к расширению синонимических рядов и развитию антонимии в диалектном языке.

В связи с тем, что семантически производное слово омонимично производящему, их часто считают значениями или даже оттенками значения одного слова, что находит отражение в диалектной лексикографии. Однако многочисленные случаи употребления производящего и его семантического деривата в русских говорах Удмуртии в одном контексте указывают на ошибочность подачи таких слов в словарях как различных контекстуальных проявлений одного и того же слова.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Изменение объема значения слова как основа семантической деривации (на материале глагольной лексики русских говоров Удмуртии) // Вестник Волгоградского государственного университета: Серия 2: Языкознание. – Волгоград, 2009. – № 1 (9). – С. 21-27.

2. Метонимия как вид лексико-семантического способа деривации в сфере имён существительных в русских говорах Удмуртии // Ученые записки КГУ: Серия «Гуманитарные науки». – Казань, 2009. (в печати).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

3. Семантическое словообразование в русских говорах Удмуртии // Вестник Удмуртского университета: Филологические науки. – Ижевск, 2004. – С.155-160.

4. Семантический способ словообразования и системные отношения в лексике русских говоров Удмуртии (слова с фонетической оболочкой *добрый* и *хороший*) // Человек в мире культуры. Межвузовский сборник научных и научно-методических трудов. – Екатеринбург, 2005. – С.104-107.

5. Семантический способ словообразования в диалектном языке (на материале говоров Кизнерского района Удмуртии) // Русская речь в инонациональном окружении [Текст]: межвузовский сборник научных трудов: Вып. 3. – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. – С.77-84.

6. Семантическая деривация в русских говорах Прикамья // Материалы VII научно-практической конференции преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященной 245-летию г. Ижевска. – Ч. 2. – Ижевск, 2005. – С.98-100.

7. Собираемые существительные в русских говорах Каракулинского района Удмуртии (к вопросу о семантическом способе словообразования) // Русские народные говоры: история и современность: Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию диалектологической работы в Арзамасском государственном педагогическом институте. – Арзамас: АГПИ, 2005. – С.92-97.

8. Образование существительных семантическим способом в русских говорах Киясовского района Удмуртии // Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней: Сборник научных статей: Вып. 4. – Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2006. – С.39-43.

9. Омонимия в тематической группе слов «Особенности человека» (на материале русских говоров Удмуртии) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2006. – СПб.: Наука, 2006. – С.281-285.

10. Образование существительных семантическим способом в русских говорах Удмуртии (на примере говоров Можгинского района) // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: труды и материалы. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – Т.2. – С.51-53.

11. Семантическая деривация в русских говорах Удмуртии (на примере говоров Можгинского района) // Проблемы современной филологии в вузовском образовании: Материалы международной научно-практической конференции. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2006. – С.57-63.

12. Метонимизация как способ номинации в русских говорах Вавожского района Удмуртии // Региональная лексика в историко-культурологическом аспекте: Материалы межвузовских диалектологических чтений. – Арзамас: АГПИ, 2007. – С. 86-92.

13. Семантическое словообразование в русских народных говорах (на материале говоров Балезинского района Удмуртии) // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология: Исследования и материалы. – Вологда, 2008. – С. 112-118.

14. Метафоризация в сфере глагольной лексики русских говоров Удмуртии // Языковая семантика и образ мира: материалы Международной. научной конференции. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – Ч. 2. – С. 235-237.